

Виктор
Слипенчук



СВЕТ
ВРЕМЕНИ

Виктор Слипенчук
Свет времени (сборник)

«ЗИНЗИВЕР-2000»

Слипенчук В. Т.

Свет времени (сборник) / В. Т. Слипенчук —
«ЗИНЗИВЕР-2000»,

В основе данного сборника стихи, написанные Виктором Слипенчуком с 1963 по 1968 год. Это его первая книга стихов. Она читается как единая неразрывная книга судьбы человека и страны.

Содержание

От автора	6
Здравствуй, Простор широкий!	8
Здравствуй, простор широкий!	8
«Человека пытали в застенках советских...»	10
«Разойдутся друзья по домам...»	12
Комсомолу	13
Баба-яга	14
«Я для тебя взлелеял этот сад...»	15
Царь	16
«Набив отцовский патронташ...»	18
Выпускникам АСХИ[2]	19
«Бывает, так устанешь за день...»	21
«Ты не из наших был. Пацан...»	22
Родительский день 1967	23
«И что ж в глазах у женщины вы видите...»	26
«Она лежала тихая, нагая...»	27
«Человек на пенсию идёт...»	28
«Я в маленьком и сером кабинете...»	29
«Кого винить? Кого мне упрекать...»	30
Слово о нетипичных	31
«Мои мучителя – они правы...»	32
«Друзья мои, мне очень трудно жить...»	33
«Итак, прощайте, хватит быть послушным...»	35
Ангелы любви	36
«В какой стране? Пускай в стране Коралло...»	37
Гуттаперчевый мальчик	39
Попугай	40
«Что за чудо живые зайчики...»	41
Цветы	42
«Так необычного хотелось...»	43
«На танцы бегают мальчишки...»	44
«Из чего же девчонки сделаны...»	45
«Ранним утром двери отворю...»	46
«Девчонка туфельки надела...»	47
Аспирант	49
«Я на весенней мостовой...»	50
«Он был всегда большим медведем...»	51
Казус	52
Арбуз	53
Красноярский тракт	54
«У истоков будущей морали...»	55
Вокзал	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктор Слипенчук

Свет времени

©Слипенчук В., 2009

©Издательский Дом «Городец», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора



Что такое поэзия?

Сорок три года назад¹ с трибуны семинара молодых поэтов Алтая было сказано, что поэзия – это редчайшее изобретение, которое, если случается, то без него уже не обойтись. Более того, представить невозможно, что ещё вчера этого изобретения не было.

¹ Предисловие к изданию 2006 г.

Поэт Марк Соболев внёс поправку – не изобретение, а открытие (в семинаре участвовали в качестве руководителей некоторые московские и ленинградские поэты).

Возник импровизированный диспут. Никто не отрицал, что поэзия – открытие, но и акт поиска открытия некоторые семинаристы объявляли фактом поэзии. Я не хочу подвергать сомнению ответы 43-летней давности, для меня очевидно, что каждый человек, любящий поэзию, находит ей своё объяснение. Слава Богу, мы ушли от официоза, когда один критик-вождь мог навязать всем без исключения свои воззрения. Другое дело, что, подготавливая данный сборник, я обращал внимание на качественность времени в стихах. Проще говоря – устарели они или интересны и сегодня. Тут поневоле вспоминается предположение замечательного русского астронома Николая Александровича Козырева о том, что источником звёздной энергии является не что иное, как время. Помимо пассивного, геометрического свойства длительности, измеряемого часами, оно обладает ещё и активными, то есть физическими свойствами. По Козыреву, время – явление Природы, а не просто четвёртое измерение, дополняющее трёхмерное пространство. То есть время является источником энергии звёзд, в том числе и Солнца. Именно поэтому наша Вселенная практически не стареет и всегда молода.

Так и Поэзия.

И ещё – это мой первый поэтический сборник. В основе его – стихи, написанные с 1963 по 1968 годы. Что касается стихов, написанных в другое время, – они обозначены соответствующей датой.



Тысячелетие и миг.
Песчинка и планета.
Во всём проявлен Божий лик.
Во всём дыханье света.

Здравствуй, Простор широкий!



Здравствуй, простор широкий!

Сидел я на обочине дороги,
Среди полей, угасших без воды,
И длинный день,
Как порожняк, в итоге
Бесславно уходил из Кулунды.

Районный «газик»

Пропылил сторонкой.
Я видел озабоченные лица
И не заметил сразу жеребёнка,
Явившегося вместе с кобылицей.

Они шагали медленно и грустно,
И кобылица глаз не поднимала,
Хоть обещанье сына —
Быть послушным,
Она, как мать, всецело одобряла.

Ей было стыдно
За свои бега,
Ведь не она ль ребёнку обещала,
Сводить его на сочные луга,
Где в молодость свою она гуляла.

Откуда знать ей было, кобылице,
Про новую политику страны,
Про орден
В председательской петлице —
За освоенье трудной целины.

Они прошли,
Остановились – дважды
Она глядела долго вдоль межи.
Потом заржала тихо и протяжно,
Как будто вопрошала: подскажи —

Ты ж – человек,
Ты понимаешь больше...
И уронила крупную слезу. —
Как объяснить ей,
Что и я лишь лошадь
В политике, которую везу.

«Человека пытали в застенках советских...»

Человека пытали
В застенках советских —
Заставляли признаться в измене.
А на улицах май встрепенулся на ветках
Узким листиком сонных растений.

Человеку казалось,
Что всё это бред —
Люди в форме, звёзды, винтовки,
Но зачем-то лежал на столе партбилет,
Славный отблеск далёкой маёвки.

Человек улыбнулся,
В ресницах глаз
Шевельнулась слеза, оживая, —
В первый раз он не мог,
В первый раз,
В первый раз!
Он не встретил Первое мая.

Человека толкнули прикладом в плечо,
Мотыльки засверкали, как ливень —
У нас могут,
Могут ещё,
По-кулацки врагов ненавидеть.

Только он, Человек,
Вышел сам на бугор,
И теперь не боялся упасть,
И Советская власть стреляла в упор
В Человека,
В Советскую власть!

В этом месте
Пионы сейчас зацвели,
Их приходят школьники рвать,
И не знают они,
Да и знать не могли,
Как далась нам
Советская власть.

Ф. Ф. Ф.

Человека пытали в советских застенках,
Заставляли признаться в измене,
А на улицах май встрепенулся на ветках
Узким листиком сонных растений.
Человеку казалось, что всё это бред,
Люди в формах, звёзды, винтовки,
Но зачемто лежал на столе партбилет
Славный отблеск далёкой маёвки!
Человек улыбнулся, в ресницах
Шевельнулась слеза.
В первый раз
Он ве...

«СИБИРСКИЙ ВЕЩЬ»
Рукопись № 911/402
В. Слипечук 1964 г.

Дорогой Виктор!
Об этом Пакине слышал Гали. Но писателю
на дне все равно как ни к чему. В инту-
Третью часть больше слышал, и
пора. Вспомнишь ты Трагическую
на эту тему К.С. Хрущев,
обращаясь к писателю.

«Разойдутся друзья по домам...»

Разойдутся друзья по домам,
Разбредутся домой в полусне.
Расползётся дым по углам,
Словно комнатный плющ по стене.

Я нажму выключатель и – щёлк!
Я включу темноту. И впотьмах
Я услышу шуршащий, как шёлк,
И скрипящий, как пепел, страх.

Всюду страх: на полу, под столом...
Всюду страх, только страх, страх!
И не думая о былом,
Я увижу его – в двух шагах.

И тогда выключатель опять
Я нажму, чтобы выключить то —
Что меня заставляет не спать
И о чём – не узнает никто.

Комсомолу

Под будённовками чубы вспенены —
На портретах иная эпоха.
Комсомольцы, знавшие Ленина,
Нам сегодня без вас плохо.

Комсомол наш сейчас не у дел,
Нынче жирным стал комсомол,
Он от ваших геройских дел
Лишь оставил с графинчиком стол.

Стол, как прежде, накрыт кумачом,
Хотя здесь он совсем ни при чём.

Постарел комсомол, постарел —
Напрокат всем кумач, как камзол,
А ведь раньше шли в комсомол —
Равносильно, что шли на расстрел.

Комсомольцы, покиньте портреты,
Нас в Магнитку введите, как в Храм.
Нужно цену поднять комбилету —
Помогите,
отцы,
нам.

Но портреты живой революции
По райкомам висят
для проката,
И под ними строчат резолюции
Начинающие бюрократы.

Баба-яга

**Во деревне – ах, что такое?!
Над сугробами – в дым снега,
Там, где шоркнет своей метлою
Развесёлая баба-яга.**

**Как несётся, как завывает —
Аж пронизывает насквозь!
Завывает, с дорог сбивает —
Баба-эх! – Оторви да брось!**

**Отчего она так веселится?
Не боится – о, вражий дух!
А кого ей бояться? – Милиции —
Из детей, стариков и старух?!**

**Молодёжь-то в деревне не сыщешь,
С электричеством не найдёшь.
Молодёжью деревни – нищи,
Нынче в городе молодёжь.**

**Вот и носится, и завывает:
Новоселье – веселья ночка!
Дом ещё один забивают
И причём не на курьих ножках.**

**Что ж ты, молодость, уступаешь?
Удираешь?
Бежишь? —
Беги!
Но зачем в комсомол вступаешь,
Ты ж боишься бабы-яги?**

«Я для тебя взлелеял этот сад...»

Я для тебя взлелеял этот сад.
Весною в нём возможен листопад,
А осенью весеннее цветенье, —
В нём царствует моё воображенье.
Как это просто – увидеть в ночи
Полярного сияния лучи.
И ощущать, как сонная вода
Струится с крыш, и тикают года.
И, выбрав улочку,
Идти по ней легко,
И видеть близко то, что далеко.
И встретиться с тобою на пути,
И, повинившись, прошептать – прости!
И вдруг понять:
Тебя уж не обнять,
И не ввести в волшебный дивный сад,
Где живо всё, как много лет назад,
Где все эти цветы воображенья —
Не стоят твоего прикосновенья.

Царь

Какая всё же чепуха,
Нет-нет, так – не годится —
Держать за крылья петуха
И говорить – жар-птица!

Но царь на то, наверно, царь.
Подальше – от греха...
Но как похожа эта тварь
У нас на петуха?!

Рискуют люди головой:
Хоть ты и царь – шалишь,
Но только правду под полой
От нас не утаишь.

А царь всю ночь опять не спал,
Томился от досады —
Он птицу счастья людям дал,
Чего ещё им надо?!

ЦАРЬ

Какая всё же чепуха,

так дело не годится,

Держать за крылья петуха

и говорить "жарптица"!

Но царь, на то наверно царь,

Но как похожа эта тварь

Рискует люди

Но

Не птичью такую
близкую! И не петушию,
ночью такую близкую
23-летнему царю.

«Набив отцовский патронташ...»

Набив отцовский патронташ
Патронами с «гусиной» дробью,
Я с вечера иду в шалаш,
Поставленный над самой Обью.

Внизу река, среди полей
В сиянье призрачном и строгом
Она, как лунная дорога,
Но тише, слышишь журавлей?

Патроны в ствол, и лунный диск
Уже на мушке покачнулся...
Но выстрел слуха не коснулся —
Ты слышишь журавлиный крик.

И только дома, за столом,
Всё вспоминая понемногу,
Увидишь лунную дорогу,
Услышишь свой ружейный гром.

Выпускникам АСХИ²

Я долго думал,
Перед тем, как выйти к Вам:
Что мне сказать
И как держать мне речь.
Хоть жизнь
Не познаётся по стихам,
Гражданский долг мой —
Вас предостеречь
От тех ошибок,
Что ещё во мне,
Как червь, передают всё внутри.
И если я не лажу по стене,
То это ни о чём не говорит.
Я помню твои стены, институт,
Да и они, наверно, не забыли,
Как вильямцев охаивали тут,
Как вильямцев
За вильямцевство били.
Я тоже был героем этих дней
И целину, как знамя, поднимал —
Боролся за величие идей,
В которых ни черта не понимал.
Скажи мне, институт,
Кому в вину
Свои заслуги ставить – и остыну,
Кому отдать медаль «за целину» —
За превращенье Кулунды в пустыню?
Я знаю,
Ты мне скажешь – не наглей.
Но я бы высек самой острой розгой
Того, кто ныне в эрозии полей
Эрозию скрыл собственного мозга.
От вас, Выпускники,
Я не прошу,
А требую любви и пониманья:
Земли, животных —
И не согрешу,
Что в них основа,
Суть естествознанья.
От них не отступайте никогда.
Природа не прощает самозванства.
И к нам вернётся с хлебом Кулунда,
И мы поднимем сельское хозяйство.

² Алтайского сельскохозяйственного института

«Бывает, так устанешь за день...»

Бывает, так устанешь за день,
Что, к лагерю добравшись лишь,
У шалаша на лавку сядешь
И, словно каменный, сидишь.

И нету сил расправить плечи,
Снять сапоги, залезть в шалаш,
Где ты ночлегом обеспечен
В уборочный ажиотаж.

И ничего душе не нужно,
Как будто всё уже сбылось.
Однако не заметить трудно,
Что многое не удалось.

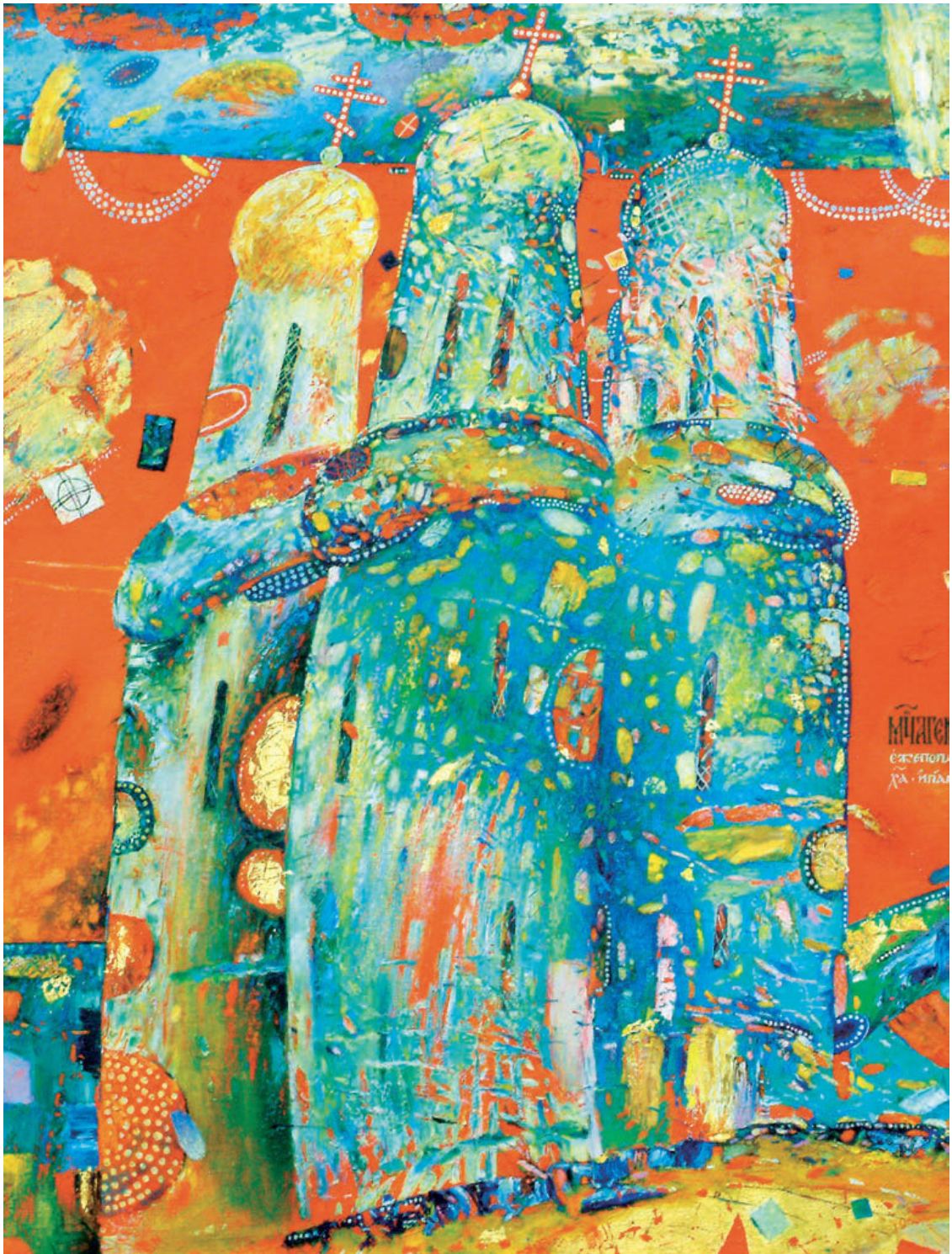
Хоть и настырного ты склада,
Хоть и удачно так хитришь,
Что ничего тебе не надо,
Что ты здесь просто так сидишь.

«Ты не из наших был. Пацан...»

Ты не из наших был. Пацан.
Но как-то люди узнавали
И говорили – весь в отца,
С улыбкой руку подавали.
А годы льются, как вода,
Подмыт твой берег – дик и крут.
И нет от прошлого следа,
Тебя уже не узнают,
Но руку всё же подают.
То ль обознались по лицу,
А может, просто в том причина,
то уважение к отцу
Мы переносим и на сына.
Как жаль, загублен он войной,
Ему бы жить, носить медали,
Чтобы не путали с тобой,
Руки тебе не подавали.

Родительский день 1967

Пусть этот день страна забыла
В календари свои внести.
Мы всё равно пришли к могилам,
Покой душевный обрести.
Мы не забыли в скорбном тлене
Далёких, близких и родных,
И люди плачут на коленях,
И я не осуждаю их.
Я сам, как все здесь, плачу тоже
Навзрыд, не зная почему.
Из русских кто рыдать не может —
Войной обучены всему.
Но горем я не упиваюсь,
Я просто плачу от весны.
Сквозь слёзы дядьке улыбаюсь —
Он был весёлым до войны.
Я просто плачу, что устало
Старик лопатку очищает
И после, словно одеяло,
Могилку внука поправляет.
Что, обнажая горечь дней,
На холмик водку льёт юнец



И горько плачет:
Папка, пей,
Пей, папка, вдоволь, наконец.
И тонут в этом плаче беды,
И свято верю, говоря:
Великий праздник День Победы
Совпал с Родительским – не зря.
Пусть он нигде не обозначен
В календарях, что из того?!

Мы в этот день поём и плачем,
Что б не случилось ничего.

«И что ж в глазах у женщины вы видите...»

И что ж в глазах у женщины вы видите,
Когда она в вас смотрит так влюбленно,
Так преданно и так освобожденно,
Что кажется, вот-вот её постигнете,
И тайну тайн сознанием уловите,
И миг, как доктор Фауст, остановите.
А может, вы не видите, не видите,
Что взглядом изучающим обидите
Ту женщину, в чьём сказочном сиянье
Начало и основа мирозданья.
С девчонками, смеющимися свету,
С мальчишками, увлёкшими планету
Навстречу солнцу, к звёздам накренив,
Чтоб видели вы мир, как он красив.
А может, вы её постигли где-то,
Да-да посмели, кто вам возбранит?
Пеняйте на себя, теперь планету
Для вас никто к звездАм не накренил.

«Она лежала тихая, нагая...»

Она лежала тихая, нагая.
Рассвет голубизною изливался
И, словно бы сквозь окна обольщаясь,
Всё ближе,
ближе к ней пододвигался.
Казалось, он нарочно голубел
И лился сквозь проёмы обнаженно,
И, заполняя комнату, звенел
Всё громче,
Всё понятней,
Всё тревожней.
И вот он миг – великое начало.
О, звуков частота
и чистота.
Свет прикоснулся нежно и устало,
И заалели вдруг её уста.
И голоса небесной литургии
Вдруг пролились —
Божественный урок.
Не так ли свет приблизился к Марии,
Когда к ней прикоснулся Бог?!

«Человек на пенсию идёт...»

Человек на пенсию идёт,
И сослуживцы произносят речи,
Короткие, но сладкие, как мёд.
А Человек сидит, сутуля плечи,
В президиуме, словно на суде,
Где выступленья не проходят даром,
Где он – виновник – должен на кресте
Принять любви заслуженную кару.
А между тем весёлые подарки
Преподнесли: рюкзак, набор сетей...
На пенсию, как будто на рыбалку,
Порою провожаем мы людей.
Чтоб не поддаться грусти – мы хохочем,
Цветы и адреса – всё это для
Того, чтоб не сказать нам только: в общем,
Прощай, старик, ты списан с корабля.

«Я в маленьком и сером кабинете...»

Я в маленьком и сером кабинете,
Среди депеш и гербовых бумаг,
Как на необитаемой планете,
Схожу от одиночества с ума.

Мне почтою их в полдень доставляют,
И холод пробегает по спине,
Я их боюсь, и я подозреваю,
Что шлёт их сумасшедший мне.

Бумаги эти я не редактирую.
Я сам для них – лишь галочка пера.
Я только их копирую, копирую,
Как попугай, с утра и до утра.

Мне не покинуть клетки-кабинета,
Он – добровольная моя тюрьма.
Пятнадцать лет учился я на это,
Копировать сошедшего с ума.

Мне страшно, страшно! Но страшнее рокот
Грядущего – кто я и что тогда,
Когда в мой кабинет ворвётся робот
И вскрыет вены моего труда?

«Кого винить? Кого мне упрекать...»

Кого винить? Кого мне упрекать,
Что жизнь моя сера, как половик?
Мне б надо оборвать её, пока
Всего на четверть века к ней привык.

Ведь с каждым годом будет всё трудней.
Привычка быть – она не даст уйти,
Она солжёт, что цепь прожитых дней —
Ещё не жизнь, что жизнь вся впереди.

И я не возражу ей, и не вы —
Она сильна. Она – привычка.
Но человек сгорает с головы,
Как самая простая спичка.

И стоит ли себя мне утешать,
Что всё ещё, как старость, впереди —
Если сегодня трудно мне дышать,
Дожившему до двадцати пяти?!

Слово о нетипичных

Наверно, что-нибудь про Русь
Я напишу, когда напьюсь.
Когда не надо будет думать
Типичен я или мой сосед,
Что по ночам ворует свет.
Причём не то чтоб жажда кражи
Была в крови – ну хоть убей!
А просто он – электрик Саша!
И счётчик всё-таки глупей.

И про соседку бабку Лору,
Что потеряла документ
И ныне ходит к прокурору,
Как нетипичный элемент.

Ах, бабка думала без бед
На пенсии пожить в усладу,
Но не выходит, ищет правду,
А силы нет – и правды нет.
И зря в обиде свой укор
Она возводит на ЦеКа,
Ей нетипичный прокурор
Попался лишь наверняка.

И о Ефимке я осмелюсь —
Он по субботам в стельку пьёт
И после целую неделю
На хлеб чекушечки сдаёт.

Да мало ль их, что денно, ночью
И пашут, мелют и куют,
И после смены – сверхурочно —
План производственный дают.

Они, возможно, нетипичны,
И в эти рамки не берусь
Я их вгонять, но неприлично
Без них показывать нам Русь.

...Но стих ещё не явлен миру.
Ещё не начата строка.
Зато, как огненную лиру,
Уже в руке держу бокал.

«Мои мучителЯ – они правы...»

Мои мучителЯ – они правы,
Снимаю шляпу, кланяюсь, заметьте.
Владивосток – прошедшее столетье
Для всех, кто прибывает из Москвы.
А мы здесь пребываем во палатах,
Где никого ничем не удивишь.
Один поэт уже воспел когда-то
Уют больницы, не попав в Париж.
Я помню, как зачитывался им,
Как поразил слепец с лицом радара,
Что вечно ждал из темноты удара,
Словно поэт, с открытием своим.
А ныне: сопок жёлтый полукруг,
Асфальт и «Волга» лёгкой синевы.
Андрей Петрович, может, это Вы
Спешите в Академию наук.
Я рад за Вас, Вы – депутат Союза,
Верховного Союза СССР.
Не так плоха совдеповская муза
Раз подарила Вам созвучье «сэр».
К другим она, увы, не так лояльна:
Сума, тюрьма, больница – жёлтый дом.
«Мочить» своих у нас не аморально,
У нас лишь «амораловка» – погром.
А впрочем, мне заботы ни к чему.
МучителЯ разъехались давно.
И если буду жить я по уму —
Мне обеспечено больничное окно.

Май 1973

«Друзья мои, мне очень трудно жить...»

Друзья мои, мне очень трудно жить.
Молчанье стало звонкою монетой —
Я получаю с песни недопетой,
Вернее, с той, — что не посмел сложить.

Друзья мои, печален мой предел.
И, очевидно, надо жить иначе,
Чтоб в золоте, которое я трачу,
Не слышать песни той — что не посмел...

Май 1974

Сибирские ОГНИ

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей РСФСР и Новосибирского отделения Союза писателей

г. Новосибирск, 50, Красный проспект, 80.

Телефоны: 2-19-11, 3-53-63, 3-76-23

12 января 1968 г.

№ _____

Барнаул- 15, Брестская, 14, кв. 51

Слипенчуку В. Т.

Уважаемый Виктор!

К сожалению подборка молодых, в которую
я предлагал включить и Ваши стихи, не состоится.

Не хочу Вас напрасно обнадеживать, стихи
оставленные Вами возвращаю. Надеюсь, что где-то, в
будущем, Вы примете нам новые стихи.

С уважением.

Зав. отделом поэзии

 А. В. Иванов

«Итак, прощайте, хватит быть послушным...»

Итак, прощайте, хватит быть послушным.
Раз я пришёлся вам не ко двору —
Позвольте жить мне, как считаю нужным.
Я ухожу от вас в свою игру.

Я буду вновь искать повсюду клад
И город свой из кубиков построю.
Я буду жить – как двадцать лет назад,
Не забавляясь, а живя игрою.

Мне ничего от вас уже не нужно,
Я всё имею и имел всегда.
И если вам понять меня несложно —
Я счастлив так, как не был никогда.

Но если ваша жизнь вдруг станет в тягость,
Я приглашаю вас в свою игру,
Которую воспримете как благо —
В ней вы всегда придётесь ко двору.

Ангелы любви



«В какой стране? Пускай в стране Корало...»

В какой стране?
Пускай в стране Корало,
В которой мы живём до десяти —
На острове причудливых кораллов
Мне посчастливилось гусей пасти.

В сетях меридианов, параллелей
Он слишком мал – ячейки велики.
Вот гуси разогнались, полетели.
Мне машут лапки – красные флажки.

Но быть последним гусак мой не привык,
Вот он качнулся, побежал устало.
Гусак – мой самолёт и проводник,
Один лишь знает путь в страну Корало.

Страна Корало – остров робинзонов,
Страна пиратов и кривых ножей,
Страна тельняшек и татуировок,
Страна таинственных наскальных чертежей.

Я в той стране быть научился смелым,
И лучше всех стрелял из револьвера,
И сам убил, и в море сбросил тело
Торговца «чёрным деревом» Переро.

Страна моя, моя страна Корало,
Я многое успел там совершить!..
Под вечер гуси шествуют устало,
Хотя домой стараются спешить.

А ночью выплыл синий узкий месяц,
И успокаивала мама дурака:
Ты же большой,
Тебе же ровно десять,
Ты должен сам зарезать гусака.





Гуттаперчевый мальчик

В. С. Серебряному

Открывается синий ларчик,
Раскрывается жизнь-стезя.
И идёт гуттаперчевый мальчик —
Оступаться ему нельзя.

Над канатом знамёна реют,
Под канатом гудит толпа.
Что с того, что нога немеет?
Он идёт – такова судьба.

Вы канату под ним не верьте.
Осторожней, мальчик, ступай.
Но идёт он, касаясь смерти,
Видно, скользок у жизни край.

А толпа чересчур доверчива,
А толпа понимает просто:
Раз назвался ты гуттаперчевым,
То, пожалуйста, сделай мостик.

Только синий волшебный ларчик
Открывался лишь сам собой.
И упал
гуттаперчевый мальчик,
И разбился на мостовой.

Ты прости толпу эту, мальчик,
Что застыла, платки теребя.
Они верили
в твой синий ларчик,
Как не верили прежде в себя.

Попугай

Живёт в моей квартире попугай,
Похожий на заморского артиста.
Он по утрам не выкрикнет – вставай!
В нём, видимо, талант эквилибриста.

Он ходит по багету, как циркач,
И третий день мне голову морочит
Своим явленьем.
Он наверняка
Сбежал, стервец, из цирка и не хочет
Возврата на арену.
Попугай,
Но если купол неба – лучший кров,
Тогда зачем изволил напугать
Своей окраской наших воробьёв?

Лети к себе в далёкие края
За сине море и за море сини.
Ты не похож совсем на воробья
И не заискивай пред стаей воробьиной.

Как хорошо, что в форточку успел —
Но этого «плебеи» не простят.
И лишь за то, что ты красив, пострел,
Ещё не раз при встрече отомстят.

Так что давай,
Не унижай красу,
Лети к своим тропическим морям.
Не то я завтра в цирк тебя снесу —
Забуть свободу,
На смех воробьям.

«Что за чудо живые заячки...»

Что за чудо живые *заячки!*
Как бы снова их встретить мне? —
Думал я, лёжа в белой маечке,
О тех зайцах, что снились мне.

А по комнате запах оладий
Утро синее ворошит,
А по комнате новым платьем
Мама тихо-тихо шуршит.

Только я ведь не сплю и тоже
Жду домой отца из тайги —
Хлеб от зайцев куда дороже,
Чем оладьи и пироги.

Я сижу на отцовских коленях.
Разговоры о жизни в лесу.
Хвалит наши приготовления,
А я заячий хлеб грызу.

Мы с отцом смеёмся согласно,
Мы с отцом уедем в тайгу.
Хлеб от зайцев – это прекрасно,
Только маме мы – ни гу-гу.

А потом я вырос и понял
(И как будто родился вновь) —
Что не заячий хлеб тревожил,
А отца моего любовь.

Цветы

Семейные люди, оставьте заботы,
Красивая женщина, слёзы утри,
Мужчина, уставший после работы,
Давайте присядем, поговорим.

Вы помните юность, живыми цветами,
До вскрика наполнившими тишину:
Запахом чуда и теми глазами,
Которые славили вашу жену.

Не надо таиться, память не стынет.
Да там уж деревья, где были кусты,
И в вазе теперь с небесною синью
Спокойно живут неживые цветы.

Зачем их храните? Дешевле... не вянут?!
А муж не такой, не такая жена,
Дети и те нелюбимыми стали,
А с вами ведь тоже дружила весна.

Были вы – бедные, всё же – богатые,
Любившие люди – факиры и феи,
Ссоры смешные и непонятные
Воспринимали, как гибель Помпеи.

Где это всё, почему же, как ящерица,
Холодны и мерзки милые рты?!
Не знает никто, ведь в вазе не старятся
Из мёртвой бумаги живые цветы.

«Так необычного хотелось...»

Так необычного хотелось,
Всё ж было шарпано, оплёвано...
Но март по капельке, несмело,
Уже зеркальность льда проклёвывал.

Он утверждал свою возможность,
И невозможность утверждал,
И всё, что сковывала ложность,
Освобождал, освобождал.

И тот, кто необычным бредил,
Вдруг томик пёстрый отложил,
С рассказами, в которых Бредбери
Необычайностью – душил.

Открыл окно, чтоб освежиться,
Он испугался в первый раз —
Необычайное приснится
И сделает заикой вас.

А март по капле, осторожно,
Свою возможность утверждал,
И всё, что сковывала ложность,
Освобождал, освобождал.

«На танцы бегают мальчишки...»

На танцы бегают мальчишки,
За них тревожусь от души,
Они, как новенькие книжки,
Не знаешь только – хороши ль?!

Они ещё проходят классы,
Девчонок запросто меняют
Не потому, что ловеласы,
Они себя в них проверяют.

И этим кое-кто гордится,
Я по себе всё это знаю,
Но только это – не годится,
Девчонки тоже проверяют...

1958

«Из чего же девчонки сделаны...»

Из чего же девчонки сделаны?
Видно, этого не пойму,
Видно, это понять не велено
И не сказано – почему?..

Может, ими мы ошаманены?
Присмотритесь, как странно одеты.
И причём все какие-то мамыны —
Вдруг они не с нашей планеты?!

Я боюсь своего открытия,
Когда вижу, как их обижают,
Когда вижу, как к ним, в общежитие,
Парни пьяные приезжают.

Ну а вдруг такое случится:
Поздней ночью, когда все спят,
Непонятной волшебной птицей
Бросят нас и все улетят!

Это страшно, воочию вижу,
Как повянет мой шар земной. —
Я тебя никогда не обижу,
Только ты будь всегда со мной.

«Ранним утром двери отворю...»

Сыну Мише

Ранним утром двери отворю.
Руки – в брюки, кепка – набекрень,
Чем меня порадует этот день?
Здравствуйте, – ему я говорю.

Радости своей я не пойму,
Во дворе встречается сосед,
Страшно обозлённый на весь свет.
Говорю я, – Здравствуйте, – ему.

В странной своей радости я парю
Высоко над шпилями, как орёл.
Только что я город приобрёл, —
Здравствуйте, – ему я говорю.

А навстречу девушка спешит.
Мне ли эту девушку не понять?!
И пока я думаю – что сказать?
Здравствуйте, – она мне говорит.

«Девчонка туфельки надела...»

Девчонка туфельки надела,
Девчонка модная такая,
Девчонка в зеркало глядела —
Она была совсем другая.

В ней было что-то голубое,
В ней что-то розовое было,
Необъяснимое такое,
Что улыбалось и светило.

И вот девчонку встретил вечер.
Шептал девчонке тихий ветер...

И каблучки по тротуару
Звенели раннею весной.
А у часов – он был с другою...
Девчонка мимо и – домой.

Девчонка плакала в подушку,
Она была одна-одна!..
А в небе сыто и бездушно
Смеялась жёлтая луна.



Аспирант

Поумнел я. Мне даже страшно,
Что такой нынче стал фигурой.
Вся родня приветствует страстно
Поступление в аспирантуру.

Рефератом бумагу выпачкав,
Окончательно офигел.
А родня вокруг – да на цыпочках
Оттого, что я поумнел.

Все соседки таращат зенки,
Поневоле расправишь грудь.
А стихи – это ведь не деньги,
Проживём без них как-нибудь.

Но, однако же, грудь свою
Расправляю всё реже, реже.
Зреет злоба во мне – убью...
Аспирант, я тебя зарежу.

Раздавлю, как покрывное стёклышко,
Чтоб святого не воровал
И хрустальную туфельку Золушки
Инфузорией не называл.

Пусть родня рвёт и мечет пёрышки —
Очевиден другой талант,
Ведь не зря под покрывным стёклышком
У меня лежит аспирант.

«Я на весенней мостовой...»

Я на весенней мостовой.
Ручьи бегут, и удивительно,
Что постовой вниз головой
Из лужи смотрит подозрительно.

А я шагаю взад-вперёд,
Как Гулливер, по облакам,
Как будто по материкам —
Моря одолеваю вброд.

А день шумит, а день трепещет,
И солнце радостное блещет.
Ликуют птицы: тинь-тинь-тинь —
Повсюду торжествует синь.

И только образ постового
Не жаждет неба голубого.
Не потому, что цвет пугает —
Он ничего не понимает.

А между тем ему б крутнуться,
Ногами вверх перевернуться,
На голове бы постоять —
И синь небесную понять.

«Он был всегда большим медведем...»

Он был всегда большим медведем,
Какого трудно одолеть,
И если в челюсть он заедет —
Спокойно можно помереть.

И вот влюбился – не понять,
В такую хрупкую – кажись,
Какую просто не обнять,
Без страха за её же жизнь.

А он тем более боялся,
За нею целый год ходил,
Потом, поссорившись, расстался,
Ну, и, как водится, запил.

И я об этом бы ни слова...
Но все девчонки (весь наш дом),
Его такого – сверхбольшого
По-за глаза зовут телком.

Казус

Довольно жизненный казус —
Стипендию задержали.
Студенты многие сразу
Завтракать перестали.

В столовую, будто старуху,
Злую бирючку, вселили,
Не стало в ней бодрости духа,
Что так её веселили.

Сижу над котлетой с подливой,
Житейской горжусь победою,
Сижу над котлетой счастливый —
По-джентельменски обедаю.

Но вдруг за соседним столиком
Девичьи взгляды встречаю.
Там за о... бедным столиком
Хлеб запивали чаем.

Девчонки спешили заметно.
Я понимал каждый взгляд,
Им в первый раз неудобно,
Что так они мало едят.

С мыслями о стипендии
Сижу над классной котлетой,
Её я купил на последние...
Но как им сказать об этом?!

Арбуз

Бока чемоданов ободраны,
Мы в комнате пустой лежим,
Скелеты коек режут рёбра нам
Рёбрами своих пружин.

Зрачок магнитофона смотрит
С проникновенностью удава,
И слышно, как с гитарой бродит
Оригинальный Окуджава.

Мы все лежим и вслух мечтаем,
Карман наш общий уже пуст.
Мы на последние – решаем
Купить полбулки и арбуз.

Арбуз, как глобус, но в руках
Трещат его меридианы,
И гаснет пламя на зубах,
Скрипят под нами чемоданы.

Мы все едим так увлечённо,
Мы все вздыхаем облегчённо.
Мы не наелись, но мы ели,
Нам мягче кажутся постели.

А завтра – в руки направленьё
И, став от гордости огромными,
Получим в кассе не стипендию,
Получим первые подъёмные.

Но мне б хотелось, чтобы в жизни,
Когда давно забудем вуз,
Мы помнили чертовски сытный
Вот этот братский наш арбуз.

Красноярский тракт

Чистый воздух, небо – шляпою,
С неба звёзды горящие капают.
На асфальте шины шипят,
Как на старте машины стоят.
Шофера, как медсёстры, мечутся,
От аварий машины лечатся.
А дорога, покрытая льдью,
В свете фар выстилается медью,
И по ней, за кузовом кузов,
Тащат МАЗы всякие грузы.
И от фар световые пучки
Разбивают ночь на куски.
И они, эти тени-вороны,
Улетают с дороги в стороны.
Эх, дорога! – Машинный гуд.
Их так много – куда бегут?
А они бегут и бегут,
И пыхтят, и сопят, и ревут.
Это жизнь дорожной артерии
Скоростями машины вымеривают.
Я смотрю – это здорово, факт!
Это наш Красноярский тракт!

«У истоков будущей морали...»

У истоков будущей морали —
У афиши. Там без лишних слов
Шляпу-невидимку мне продали
Два пришельца из Эссентуков.

Два дрожащих, два злосчастных брата —
Я вписался третьим в антураж,
Наша жизнь, увы, не виновата
В том, что душу дьяволу продашь.

Я теперь невидимый, как в сказке,
В банк иду, с вместительной сумой.
Денег набираю под завязку,
А потом иду к себе домой.

Что милиция и все её питомцы?
Я в отсутствии, меня здесь нет,
И похрустывают красные червонцы,
Красные, как пламенный привет.

Я богат, как самый старый Ротшильд
И как самый молодой Дюпон,
С неких пор я обожаю роскошь,
И внимание – со всех сторон.

Так и жил бы, верно, без печали.
Но, очнувшись, понял я, что спал
И на диспут в клубе опоздал —
У истоков будущей морали.

Вокзал

День круглые сутки.
Здесь нет ночей.
Фонтанят шутки —
Держи бичей!..
Обрывки фраз
Рисуют картины.
Сплелись тут жизни,
Как паутины.
Людской поток —
Кипит толпа.
У каждого парня
Своя судьба.
Куда?
На Братск.
А ты?
Целина.
Попутчик, брат,
Дорога одна!
А на перроне
Звонят гитары,
А на перроне
Прощаются пары.
Девчонки-кокетки,
Слёзы – в руку.
А парни смеются,
Не веря в разлуку.
Горят, угасают
Зелёные спички.
И с криком проносятся
Электрички.
А люди спуют,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.